

пендиі церковныхъ старость Тульской епархіи при Московской Духовной Академіи въ память столѣтія со дня учрежденія Тульской епархіи (1799—1899)“ на таковыхъ условіяхъ: капиталъ долженъ быть неприкосновененъ, проценты же съ него должны идти на содержаніе одного недостаточнаго студента Московской Духовной Академіи изъ воспитанниковъ Тульской Духовной Семинаріи. О послѣдующемъ же не отказать въ увѣдомленіи“.

б) Сообщение Правленія Академіи о томъ, что на присланные изъ Тульской Духовной Консисторіи 1590 руб. 25 коп. наличными деньгами Правленіемъ приобрѣтены шесть свидѣтельствъ Государственной 4% ренты, изъ коихъ одно за № $\frac{3674}{176}$ —въ 1000 р., одно за № $\frac{591}{94}$ —въ 200 р. и четыре за №№ $\frac{1328}{154}$, $\frac{2890}{177}$, $\frac{3150}{146}$ и $\frac{3427}{146}$ —по 100 р. каждое; всего на сумму *тысяча шестьсотъ рублей (1600 руб.)*.

Опредѣлили: 1) Сообщить (и сообщено) Тульской Духовной Консисторіи о полученіи присланныхъ денегъ и обращеніи ихъ въ процентныя бумаги. 2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи стипендіи церковныхъ старость Тульской епархіи въ память столѣтія со дня учрежденія епархіи (1799 — 1899). 3) Представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода слѣдующій проектъ положенія объ означенной стипендіи:

§ 1.

На собранный церковными старостами Тульской епархіи капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты на сумму *тысяча шестьсотъ рублей (1600 р.)*, учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія церковныхъ старость Тульской епархіи въ память столѣтія со дня учрежденія епархіи (1799—1899).

§ 2.

Стипендія назначается ежегодно Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, на содержаніе одного недостаточнаго студента Академіи изъ воспитанниковъ Тульской духовной семинаріи.

§ 3.

Въ случаѣ отсутствія кандидата на стипендію, проценты присоединяются къ основному капиталу для увеличенія послѣдняго.

§ 4.

Съ пользованіемъ стипендіею никакихъ обязательствъ не соединяется.

X. Записки профессоровъ и преподавателей Академіи: Г. Воскресенскаго, М. Муретова, І. Татарскаго, С. Глаголева, Н. Городенскаго, Е. Воронцова и И. Петровыхъ—о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрести для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Константину Попову выписать для академической бібліотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XI. Отчетъ профессорскаго стипендіата Алексѣя *Малимина* объ его занятіяхъ въ 1900—1901 учебномъ году.

Опредѣлили: Отчетъ передать для разсмотрѣнія и отзыва экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣю Введенскому.

XII. Прошеніе бывшаго воспитанника Академіи *архимандрита* Ярославскаго Архіерейскаго Дома *Ефрема*: „Имѣю честь покорнѣйше просить Конференцію Академіи разсмотрѣть представляемую при семъ книгу моего сочиненія подъ названіемъ „Поѣздка въ Абиссинію“, для удостоенія меня степени кандидата богословія“.

Справка: 1) Врачъ, Коллежскій Совѣтникъ, Михаилъ Цвѣтаевъ (нынѣ архимандритъ Ефремъ) принятъ былъ въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи по указу Святѣйшаго Синода отъ 30 октября 1889 года за № 4194, безъ повѣрочныхъ испытаній; въ бытность студентомъ I курса постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ санъ іеродіакона; по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 іюня 1890 года переведенъ во II курсъ, а по опредѣленію Правленія Академіи отъ 9 октября 1890 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 31 октября, уволенъ, согласно его прошенію, по слабости здоровья, изъ числа студен-

товъ Академіи для поступленія въ братство Московскаго Донскаго Ставропигіальнаго Монастыря.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что по § 135 устава духовныхъ академій степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента студенты Академіи удостоиваются лишь при окончаніи *полнаго* академическаго курса, просьбу о. архимандрита Ефрема отклонить, о чемъ и увѣдомить его чрезъ Канцелярію.

XIII. Прошеніе студента IV курса Академіи Василія *Таланкина*: „При переходѣ изъ Казанской Академіи въ Московскую я долженъ былъ слушать лекціи по Педагогикѣ, такъ какъ этого предмета мнѣ не пришлось слушать въ Казанской Академіи, потому что въ ней онъ состоитъ въ числѣ предметовъ IV курса. Поэтому, во-первыхъ, прошу допустить меня къ экзамену по этому предмету во время предстоящихъ годовичныхъ испытаній.

Затѣмъ, такъ какъ Догматическое и Нравственное Богословія мной уже прослушаны, то прошу освободить отъ экзаменовъ по этимъ предметамъ“.

Справка: Въ вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студента Таланкина за первые три года академическаго курса, присланной при отношеніи Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 18 января 1901 года за № 69, познанія его по догматическому и нравственному богословію отмѣчены балломъ 5.

Опредѣлили: Освободить студента IV курса Василія Таланкина отъ сдачи экзаменовъ по догматическому и нравственному богословію, предоставивъ ему, взамятъ того, держать испытаніе по педагогикѣ вмѣстѣ съ студентами III курса Академіи.

XIV. Прошеніе студента I курса Академіи Александра *Лукина*: „Развившаяся у меня съ первыхъ чиселъ февраля и начавшая клониться къ полному излѣченію въ срединѣ апрѣля болѣзнь правой руки не позволила мнѣ приготовить послѣднее семестровое сочиненіе такъ, чтобы я могъ подать его до наступленія экзаменовъ. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ подать сочиненіе, написанное на новую тему, послѣ лѣтнихъ каникулъ. При этомъ прошу также назначить срокъ, къ которому это сочиненіе должно быть представлено мною“.

Опредѣлили: Дозволить студенту I курса Александру Лукшину представить третье семестровое сочиненіе по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ послѣ лѣтнихъ каникулъ, къ 1-му августа 1901 года.

XV. Занимались составленіемъ *рописанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній* студентовъ Академіи въ текущемъ 1900—1901 учебномъ году.

Опредѣлили: Росписаніе испытаній студентовъ Академіи представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1901 г. Мая 7. Утверждается“.

5 іюня 1901 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессора И. Андреева, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшія 1900—1901 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) *Изъ 53 студентовъ I курса:* а) не держалъ устныхъ испытаній и не представилъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди студентъ Василій *Тарасовъ*, пробывшій на первомъ курсѣ два года и нынѣ подавшій въ Правленіе Академіи прошеніе объ увольненіи его изъ числа студентовъ Академіи по болѣзни. б) Студентъ Александръ *Лукшинъ* не представилъ третьяго семестроваго сочиненія по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, что, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 24 апрѣля текущаго 1901 года, ему и разрѣшено исполнить послѣ лѣтнихъ каникулъ, къ 1-му августа. в) Поведеніе 44-хъ студентовъ обозначено балломъ 5, 5-ти—балломъ 5—, 3-хъ—балломъ 4 и 1-го—балломъ 4—.

2) *Изъ 60-ти студентовъ II курса:* а) не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ II курса и не представилъ

е semesterныхъ сочиненій и проповѣди студентъ Георгій *Вершинскій*—по болѣзни. б) Не держали устныхъ испытаній по нѣкоторымъ предметамъ II курса студенты: іеродиаконъ *Діонисій (Марангудакисъ)*—по исторіи философіи; Панаіотъ *Кочампопуло*—по общей церковной исторіи; Левъ *Лучикинъ*—по патристикѣ, исторіи философіи, психологіи и библейской археологіи; Александръ *Смирновъ*—по психологіи и Савва *Теолакисъ*—по исторіи философіи.—Отъ всѣхъ поименованныхъ студентовъ поступили въ Совѣтъ Академіи прошенія о разрѣшеніи имъ сдать означенныя устныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1901 года. в) Поведеніе 49-ти студентовъ обозначено балломъ 5, 8-ми—балломъ 5—, 2-хъ—балломъ 4 и 1-го—балломъ 3.

3) Изъ 51 студентова III курса: 33 имѣютъ по поведенію балль 5, 10—балль 5—, 4—балль 4, 2—балль 4— и 2—балль 3.

Справка: 1) § 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса“.—2) По § 81 лит. а п.п. 4—5 устава духовныхъ академій: „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній и переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ—каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія сту-

дентовъ I, II и III курсовъ Академіи, — перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) во II курсъ—студентовъ I курса: 1) Орлова Анатолія, Соколова Николая, Богородскаго Николая, Цвѣткова Владиміра, 5) Остроумова Николая, Одинцова Николая, Волотовскаго Николая, Покровскаго Николая, Судакова Ивана, 10) Казанскаго Николая, Василькова Павла, Соколова Алексѣя, Шарапова Алексѣя, Адамова Ивана, 15) Старокадомскаго Григорія, Лозинскаго Николая, Кутузова Николая, Воскресенскаго Николая, Кобринъ Николая, 20) Бензина Василія, Немѣшаева Димитрія, Звѣрева Георгія, Максимовича Владана, Добротворскаго Василія, свящ., 25) Ястребцева Николая, Берсенева Платона, Дьяченко Владиміра, Трапицына Василія, Богословскаго Сергѣя, 30) Гречева Бориса, Кирикова Владиміра, Буравцева Николая, Сваицкаго Павла, Іеремича Божидара, 35) Дорошевскаго Федора, Симанскаго Сергѣя, Антонова Александра, Недригайлова Ивана, Жиромскаго Іосифа, 40) Платонова Николая, Моисеева Александра, Плотникова Евгенія, Минераллова Александра, Крестіаніюла Павла, 45) Флорова Василія, Драганчула Николая, Архангельскаго Николая, Казанцева Николая, Ильинскаго Сергѣя, 50) Денисова Константина и Артемьева Василія.

б) въ III курсъ—студентовъ II курса: 1) Малевича Анатолія, Туницкаго Николая, Спиридонова Димитрія, Струминскаго Василія, 5) Зеленцова Ивана, Шестова Александра, Успенскаго Константина, Спасскаго Алексѣя, Воскресенскаго Ивана, 10) Головачева Потапа, Славгородскаго Николая, Троицкаго Димитрія, Купленскаго Владиміра, свящ., Муравьева Василія, 15) Студенскаго Аркадія, Чернавскаго Александра, Фигуровскаго Ивана, Кудина Павла, Алмазова Николая, 20) Орлова Димитрія, Чулкова Павла, Фиолетова Сергѣя, Чанишвили Георгія, Анисимова Петра, 25) Лепехина Николая, Зеленина Николая, Линькова Александра, Арсенія (Жадановскаго), іерод., Богоявленскаго Димитрія, 30) Кесарійскаго Ивана, Соловьева Николая, Заозерскаго Александра, Рязскаго Константина, Ващенко Григорія, 35) Арефьева Ивана, Воронова Николая, Цвѣткова Сергѣя, Соболева Александра, Знаменскаго Василія, 40) Успенскаго Николая, Никитина Тихона, свящ., Строева Александра, Пушкина Бориса, Покровскаго Димитрія, 45) Бунтовникова Стефана, Абуруса

Илью, Неклюкова Петра, Евладова Петра, Иларіона (Николова), іерод., болг., 50) Высотскаго Павла, Нечаева Ксенофонта, Пятницкаго Ивана, Аванасія (Трифонова), іерод., болг., и Попова Христо.

в) въ IV курсѣ—студентовъ III курса: 1) Пограницкаго-Сергіева Николая, Лебедева Николая, Онтлика Константина, Войцѣховича Митрофана, 5) Челака Александра, Сѣнцова Михаила, Егорова Владиміра, Троицкаго Ивана, Тихомирова Алексѣя, 10) Попова Леонида, Лебедева Сергѣя, Спасскаго Георгія, Третьякова Петра, Померанцева Александра, 15) Чернявскаго Василя, Бѣлоусова Стефана, Островскаго Θεодосія, свящ., Снѣгирева Вячеслава, Беневоленскаго Николая, 20) Платонова Александра, Кедрова Сергѣя, Артоблевскаго Сергѣя, Повольни Бранислава, Знаменскаго Николая, 25) Пискарева Николая, Успенскаго Владиміра, Плотникова Виссаріона, Григорьева Владиміра, Аванасьева Сергѣя, 30) Покровскаго Андрея, Яницкаго Трифона, Остроумова Николая, Колмакова Сергѣя, Гапонова Сергѣя, 35) Драчева Николая, Ансерова Петра, Бурцева Александра, Павлова (Михаила, Юдина Николая, 40) Евгенія (Зернова), іерод., Никольскаго Алексѣя, Давидовича Светислава, Мачкича Іована, Алексія (Баженова), іерод., 45) Саввича Симона, Филипповича Григорія, Воробьева Владиміра, Валуженича Владиміра, Фотопулоса Константина, 50) Бурковича Томо и Горбаневскаго Филиппа, свящ.—2) Студента II курса Георгія *Вершинскаго* оставить, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ. 3) Принимая во вниманіе засвидѣтельствованное академическимъ врачомъ болѣзненное состояніе студентовъ II курса іеродіакона *Діонисія (Марангудакиса)*, Панаіота *Кочампопуло*, Льва *Лучинина*, Александра *Смирнова* и Саввы *Тсолакиса*, воспрепятствовавшее имъ своевременно сдать устныя испытанія по нѣкоторымъ предметамъ II курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи дозволить имъ сдачу означенныхъ испытаній послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августъ мѣсяцъ текущаго 1901 года.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго: „Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣннн вѣдомости оказалось, что изъ 48 студентовъ IV курса:

1) 11 студентовъ имѣють въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 25— не менѣе 4 и 12—не менѣе 3.

2) 9 студентовъ: *Горскій* Михаилъ, *Гротъ* Іустинъ, *Доброгаевъ* Павелъ, *Любимскій* Александръ, *Моисеевъ* Николай, *Оленицкій* Веніаминъ, *Сахаровъ* Сергѣй, *Соловьевъ* Иванъ и *Таланкинъ* Василій—не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Неудовлетворительные для степени кандидата баллы за четыре года академическаго курса имѣють студенты: *Аванасьевъ* Матвѣй—на устныхъ испытаніяхъ: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта— $2\frac{1}{2}$ и по патристикѣ— $2\frac{1}{2}$; *Габараевъ* Константинъ—на семестровомъ сочиненіи по Священному Писанію Ветхаго Завѣта—2—; *Гротъ* Іустинъ—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по библейской исторіи—2, по общей церковной исторіи—2+ и на проповѣди за III курсъ— $2\frac{1}{2}$; *Доброгаевъ* Павелъ: на устномъ испытаніи по психологіи— $2\frac{1}{2}$, на семестровомъ сочиненіи по церковному праву— $2\frac{1}{2}$ и на проповѣди за III курсъ—2; *Златовъ* Гавріиль—на устномъ испытаніи по педагогикѣ—2+; *Зоринъ* Петръ—на семестровомъ сочиненіи по исторіи русскаго раскола— $2\frac{1}{2}$ и на проповѣди за I курсъ— $2\frac{1}{2}$; *Любимскій* Александръ—на устныхъ испытаніяхъ: по исторіи философіи— $2\frac{1}{2}$, гомилетикѣ—2+ и на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи—2—; *Моисеевъ* Николай: на устномъ испытаніи по патристикѣ— $2\frac{1}{2}$ и на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи—2+; *Овчинниковъ* Василій—на устныхъ испытаніяхъ: по психологіи— $2\frac{1}{2}$ и педагогикѣ—2+; *іеромонахъ Платонъ*—на устныхъ испытаніяхъ: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—2+, по исторіи философіи— $2\frac{1}{2}$, по церковному праву—2— и на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи— $2\frac{1}{2}$; *Покровскій* Василій—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по общей церковной исторіи— $2\frac{1}{2}$, по исторіи западныхъ исповѣданій— $2\frac{1}{2}$ и на проповѣди за III курсъ— $2\frac{1}{2}$; *Покровскій* Михаилъ—на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи—2—; *Покровскій* Сергѣй—на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи—2; *Постоловъ* Николай—на устномъ испытаніи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ— $2\frac{1}{2}$ и на семестровомъ сочи-

неніи по Священному Писанію Ветхаго Заѣта—2+; *Романовъ* Викторъ—на устномъ испытаніи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—2+, и *Саригіани* Евангелъ—на устномъ испытаніи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—2+, на семестровомъ сочиненіи по библейской исторіи—2¹/₂ и на проповѣди за I курсъ—2¹/₂.

4) Четыремъ изъ поименованныхъ въ п. 3 студентамъ: *Аванасьеву* Матѣю, *Златову* Гавріилу, *Овчинникову* Василию и *Романову* Виктору, имѣвшимъ неудовлетворительныя отмѣтки только на устныхъ испытаніяхъ по одному или двумъ предметамъ академическаго курса, дозволено было сдать новыя устныя испытанія по этимъ предметамъ при окончаніи академическаго курса, а двумъ иностранцамъ: сербскому уроженцу *іеромонаху* *Платону* и греческому—Евангелу *Саригіани*, кромѣ того,—и представить новыя семестровыя сочиненія взамѣнъ неудовлетворительныхъ, что ими и было исполнено. На новыхъ устныхъ испытаніяхъ означенные студенты получили слѣдующіе баллы:

Аванасьевъ Матѣй: по Священному Писанію Ветхаго Заѣта—4+, по патристикѣ—4;

Златовъ Гавріиль: по педагогикѣ—4;

Овчинниковъ Василій: по психологіи—4, по педагогикѣ—4;

Романовъ Викторъ: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—4;

Іеромонахъ *Платонъ*: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—4, по исторіи философіи—4, по церковному праву—4;

Саригіани Евангелъ: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—4+.

Представленныя двумя послѣдними студентами новыя семестровыя сочиненія отмѣчены баллами: *іеромонаха* *Платона*—по общей церковной исторіи—3¹/₂; Евангела *Саригіани*—по библейской исторіи—4— и проповѣдь 3+.

5) Поведеніе за истекшіи 1900—1901 учебный годъ у 38-ми студентовъ отмѣчено балломъ 5, у 9-ти—балломъ 5— и у 1-го—балломъ 4.

6) Студентъ *Сергѣй Сахаровъ* не держалъ, по болѣзни, устнаго испытанія по пастырскому богословію и представилъ въ Совѣтъ Академіи прошеніе о дозволеніи ему сдать означенное испытаніе послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1901 года.

6) Отзѣвы преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 39 студентовъ IV (LVI) курса:

1) Ординарнаго профессора Николая Заезерскаго о сочиненіи студента *Алфеева Аркадія* на тему: „Общественное положеніе епископа и духовенства въ Новгородѣ и во Псковѣ въ періодъ удѣльновѣчевой“:

„Въ предисловіи (1—18) своего сочиненія выясняя задачу, методъ и средство ея выполненія, авторъ начерталъ для себя слѣдующую программу: „весь нашъ трудъ будетъ раздѣленъ на слѣдующія пять главъ: 1) общественное положеніе епископа въ удѣльной Руси, опредѣляемое отношеніемъ его къ князю; 2) устройство и *психическая организація* (!) древнерусской удѣльновѣчевой земской общины, способствовавшая положенію епископа какъ земскаго дѣятеля; 3) недостатки въ общественной жизни и управленіи Новгорода, благопріятствовавшіе возвышенію новгородскаго владыки на степень главнаго земскаго и политическаго дѣятеля; 4) общественное положеніе новгородскаго владыки въ первый княжескій періодъ его исторіи; 5) общественное положеніе новгородскаго владыки во второй, народный, или земскій періодъ“ (стр. 15—16).

О средствахъ къ осуществленію своей задачи, а также о степени своей самодѣятельности и предѣлахъ осуществленія принятой на себя обязанности авторъ говоритъ такъ: „предметъ нашего изслѣдованія представляетъ далеко не новостъ въ нашей ученой исторической литературѣ: имъ занимались какъ попутно, такъ и специально. Изъ изслѣдованій послѣдняго рода нужно отмѣтить труды: проф. Никитскаго: Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ; Костомарова: Сѣвернорусскія народоправства и Прилежаева: Новгородская Софійская казна. Благодаря этимъ и другимъ трудамъ весь фактическій матеріалъ относящійся къ вопросу о положеніи новгородскаго епископа исчерпанъ въ совершенствѣ..... Но въ разсматриваемомъ вопросѣ до сихъ поръ не затронута одна очень важная и существенная сторона дѣла — совершенно не разработанъ вопросъ о причинахъ и условіяхъ способствовавшихъ возвышенію земскаго значенія новгородскаго владыки... Съ нашей стороны было бы непростительной самонадѣянностью взяться восполнить этотъ пробѣлъ. Но попытку сдѣлать шагъ въ этомъ

направленіи вынуждаетъ насъ самое существо дѣла. Главы II и III-я настоящаго сочиненія и представляютъ посильное разрѣшеніе этой задачи.... Къ сожалѣнію въ виду недостаточности времени выясненіемъ общественнаго положенія новгородскаго епископа мы и ограничимъ свою задачу, по необходимости оставляя вторую половину заглавія сочиненія безъ отвѣта“ (стр. 17—18).

Благопріятное для автора впечатлѣніе отъ этого скромнаго и правдиваго заявленія не оставляетъ читателя и во все время чтенія самого произведенія его. Построеніе его исполнѣ удачно. Читатель послѣдовательно переходитъ отъ созерцанія общаго положенія церкви и епископа въ удѣльный періодъ древней Руси къ созерцанію специфическихъ его особенностей, объясняющихся особенностями устройства Новгородской общественной жизни, значенія въ ней князя и вѣча и въ результатѣ предъ нимъ живо представляется оригинальный образъ новгородскаго владыки съ его симпатичными и не симпатичными чертами, рѣзко выдѣляющей его отъ типа прочихъ древнерусскихъ архіереевъ. Сочиненіе весьма небольшое (1—290), но весьма содержательное, сжатое и внѣшне удовлетворительно обработанное. — Признаю автора исполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія“.

2) Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Аванасьева Матвѣя*: „Обзоръ русской монографической и журнальной литературы по догматическому богословію за послѣднія тридцать лѣтъ“:

„Сочиненіе г. Аванасьева состоитъ изъ введенія (1—42 стр.), самаго изслѣдованія (43—417 стр.) и заключенія (418—443 стр.). Во введеніи онъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи догматическаго богословія въ Россіи съ 17 вѣка до настоящихъ дней, а въ заключеніи бросилъ бѣглый взглядъ на теперешнее состояніе русской литературы по этой наукѣ. Самое изслѣдованіе онъ раздѣлилъ на четыре части. Но правильнѣе было бы назвать ихъ отдѣлами, или главами, такъ какъ частью принято называть или цѣлую книгу, составляющую часть тома, или часть и книги, но по величинѣ значительную. Въ первой части онъ рассмотрѣлъ догматическія сочиненія о Богѣ-Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ, во второй—о Церкви и таинствахъ, въ третьей—о послѣднихъ

судьбах міра и челоуѣка, и въ четвертой — о Богѣ и о Святой Троицѣ. Сочиненія о Богѣ и о Святой Троицѣ онъ разсмотрѣлъ въ концѣ, а не въ началѣ, какъ бы слѣдовало, потому, что для него порядокъ слѣдованія частей опредѣлялся „количественною величиною и качественною цѣнностію догматическаго матеріала“. Онъ разсмотрѣлъ четырнадцать книгъ. Какъ изложеніе содержанія, такъ и оцѣнка ихъ сдѣланы самостоятельно и обстоятельно, и все вообще сочиненіе хорошо обработано, а въ литературномъ отношеніи безупречно. Журнальныя догматическія статьи по недостатку времени не были имъ разсмотрѣны, а только представлень перечень ихъ, да и то неполный.

По своимъ научнымъ и литературнымъ достоинствамъ сочиненіе г. Аванасьева даетъ ему право на полученіе степени кандидата“.

3) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Бенеманскаго Михаила*: „*Ὁ πρῶτος νόμος* Императора Василя Македонянина“:

„Названное весьма обширное (1—1074) сочиненіе состоитъ изъ введенія (1—8) и двухъ частей съ подраздѣленіями на отдѣлы и главы. Въ началѣ представлено подробное оглавленіе, расположенное на стр. I—XVII, а въ концѣ подъ названіемъ „приложенія“ предложены двѣ таблицы параллельныхъ мѣстъ: 1) Прохирона, Эпанагоги, Эклоги и Василикъ; 2) Прохирона, Уложенія царя Алексѣя Михайловича и Кормчей книги.

Задачу своего сочиненія авторъ изъясняетъ такъ: „изученіе различныхъ памятниковъ византійскаго законодательства можетъ имѣть двойное значеніе: съ одной стороны оно очень часто можетъ служить интерпретаціи Юстиніанова права, съ другой оно можетъ быть направлено на характеристику исторіи византійскаго права послѣ Юстиніана“ (см. начало введенія). Такое же значеніе имѣетъ въ частности и изученіе Прохирона—для западной науки, но для русской юридической и исторической науки это значеніе увеличивается вслѣдствіе „тѣхъ судебъ, какія выпали на долю этого памятника въ исторіи права славянскихъ народовъ и народа русскаго“. Прохиронъ оказалъ весьма большое вліяніе на созиданіе и нашего церковнаго права. Лишь уяснивъ себѣ вполнѣ Прохиронъ, русскій церковный историкъ и законо-

вѣдь можетъ уяснить себѣ нѣкоторыя явленія, наблюдаемыя въ исторіи древнерусскаго церковнаго права. Что онъ долженъ считаться съ Прохирономъ, за это всего лучше говорить самый фактъ находженія Прохирина въ главномъ источникѣ древнерусскаго церковнаго права — Кормчей“ (5—6).

Не смотря, однако, на такую важность названнаго памятника византійскаго права, для изученія его въ русской литературѣ сдѣлано очень мало: здѣсь — научный мотивъ къ избранію его предметомъ настоящаго сочиненія.

Тонъ рѣчи автора звучитъ такъ, что можно подумать, будто онъ первый изъ русскихъ ученыхъ постигъ такое важное значеніе разсматриваемаго памятника византійскаго права, и первый намѣренъ представить строго научное о немъ изслѣдованіе. Тонъ слишкомъ приподнять и нуждается въ пониженіи уже въ виду тѣхъ многочисленныхъ иностранныхъ и русскихъ пособій, которыя поименовалъ авторъ въ началѣ сочиненія, которыя цитируетъ въ немъ и безъ которыхъ немислимо было бы и самое его, теперь разсматриваемое, произведеніе. Истина въ томъ, что доселѣ дѣйствительно въ русской литературѣ не было сочиненія, специально посвященнаго Прохирону, такого — въ которомъ были бы сведены во едино результаты изслѣдованій о Прохиронѣ, отдѣльно появившихся въ иностранной и русской ученой литературѣ. Задача разсматриваемаго сочиненія и состояла въ этомъ собраніи во едино добытыхъ результатовъ изслѣдованій о Прохиронѣ и онъ дѣйствительно выполнялъ эту задачу съ замѣчательнымъ усердіемъ и научно-методически.

Сочиненіе его дѣлится на двѣ части: 1-я имѣетъ своимъ предметомъ представить исторію возникновенія, характеристики и значенія Прохирина на его родинѣ — въ Византіи; вторая — исторію усвоенія его славянскими и русскимъ законодательствами.

Первая часть начинается обзорѣніемъ иностранной и русской ученой литературы о Прохиронѣ, а также и изданій его (1—73). Обзорѣніе полное и весьма обстоятельное; однако, авторъ поступилъ бы лучше, если бы поставилъ его *предъ* первую частью, а не внесъ въ нее. За тѣмъ слѣдуютъ исагогическія изслѣдованія: указаніе и разсмотрѣніе раз-

личныхъ заглавій и надписаній Прохирина, его предисловія; плана и общаго содержанія (74—121). Отдѣлъ 2-й (121—381) посвященъ литературно-юридической характеристикѣ Прохирина. Съ большими подробностями здѣсь изображена политическая и законодательная дѣятельность императора Василия Македонянина, по инициативѣ котораго изданъ Прохиронъ, отмѣчено рѣзкое различіе въ направленіи его законодательства по сравненію съ законодательствомъ императоровъ Исаврійской династіи и указаны источники Прохирина. — Отдѣлъ 3-й (381—472) посвященъ разсмотрѣнію значенія Прохирина въ гражданскомъ правѣ; указано въ частности вліяніе Прохирина на официальные законодательные памятники, какъ-то Епанагогу и Василики, а также на юридическія произведенія, составленныя частными лицами, извѣстныя въ настоящее время подъ названіями: *Ecloga privata*, *Epanagogis tituli XIII*; *Epanagoge cum Prochiron composita* и т. п. — Отдѣлъ 4-й посвященъ выясненію значенія Прохирина въ церковномъ правѣ, — при чемъ съ большою подробностію разсмотрѣно значеніе его для Синтагмы М. Властаря (472—620).

Вторая часть сочиненія съ общею рубрикою: Прохиронъ у славянскихъ народовъ—подраздѣляется на два неравномѣрныхъ отдѣла. 1-й съ рубрикою: Прохиронъ у южныхъ славянъ и 2-й—съ рубрикою: Значеніе Прохирина въ русскомъ правѣ.

1-й отдѣлъ на 64 страницахъ (622—686) разсуждаетъ о слѣдующихъ предметахъ: о вліяніи Прохирина на *Ecloga ad Prochiron mutata* и *Ἐξάβιβλος* Арменопула—каковую матерію было бы лучше отнести въ 1-ю часть сочиненія;—затѣмъ—о значеніи Прохирина въ законодательствѣ Сербіи и Болгаріи. Весь отдѣлъ сравнительно кратокъ, — что объясняется отсутствіемъ для составленія его научнаго матеріала.

Съ большимъ удовольствіемъ вниманіе рецензента останавливается на обширномъ второмъ отдѣлѣ подъ рубрикою: Значеніе Прохирина въ русскомъ правѣ. Моменты различнаго вліянія Прохирина на русское право авторъ распределяетъ по слѣдующимъ періодамъ: первый—отъ начала Руси до XIII вѣка, причемъ съ большою подробностію разсмотрѣны авторомъ слѣды вліянія Прохирина въ Кормчихъ Устюжской и Ефремовской и въ „книгахъ законныхъ“ (изд. А. С. Пав-

лова); періодъ 2-й—отъ XIII вѣка до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича — вліяніе Прохирона на Судебники; періодъ 3-й—вліяніе Прохирона на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, Новоуказныя статьи, на законодательство XVIII и XIX вѣка до Свода законовъ 1892 г. включительно. Этому обширному отдѣлу предпослано особенное, по существу дѣла вполне не излишнее введеніе (688—725).

Какъ можно видѣть уже изъ этого весьма общаго обзорѣнія содержанія подлежащаго сочиненія, оно обнимаетъ тему свою полно и законченно. Внимательное же отношеніе къ самому тексту его даетъ основаніе къ слѣдующей общей характеристикѣ его:

1) Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ научно-основательное изученіе избраннаго предмета изслѣдованія. Авторъ тщательно изучилъ разсматриваемый имъ памятникъ въ различныхъ текстахъ—подлинномъ и переводномъ съ разнообразными видоизмѣненіями, какимъ онъ подвергался въ теченіи многовѣковаго обращенія его у разныхъ народовъ какъ законодательной книги. Средствомъ къ такому изученію служило для автора ученая литература—иностранная и русская. Онъ вполне ознакомился съ нею, изучилъ ее и въ своемъ сочиненіи собралъ во едино всѣ добытые ею результаты по данному предмету. Его сочиненіе стоитъ на уровнѣ современной науки.

2) Сочиненіе отличается полнотою и обстоятельностью. Авторъ разсмотрѣлъ изучаемый предметъ всесторонне. Нельзя указать въ немъ никакихъ пробѣловъ, ничего недоконченнаго. Владѣя обширною начитанностію, авторъ по всѣмъ частнымъ вопросамъ даетъ обильныя свѣдѣнія.

Рядомъ съ этими достоинствами сочиненія въ немъ нашли себѣ мѣсто и слѣдующіе довольно очевидные недостатки.

1) Растянутость изложенія и излишнія подробности. Этотъ недостатокъ явился у автора какъ будто слѣдствіемъ увлеченія его мыслию—исчерпать и изложить въ сочиненіи рѣшительно все, что удалось ему усвоить въ обширной литературѣ по данному предмету. Такое увлеченіе проявилось въ томъ, что онъ часто вмѣсто краткаго указанія на какое либо обстоятельство сообщаетъ цѣлый о немъ трактатъ и въ самомъ же текстѣ: было достаточно въ такихъ случаяхъ огра-

ничиться простымъ указаніемъ на источникъ или краткими примѣчаніями подѣ строкою.

2) Сочиненію недостаетъ надлежащей литературной обработки. Въ большинствѣ авторъ многословенъ. Встрѣчаются нерѣдко довольно грубыя построенія предложеній, напр: „ошибки ихъ состояли вотъ въ чемъ“ (стр. 14); нерѣдко онъ злоупотребляетъ мѣстоимѣніемъ 3-го лица, пользуясь имъ для обозначенія подлежащаго и дополненія и ставя ихъ рядомъ, напр: „онъ его“, „ихъ онъ“. Разстановка словъ въ предложеніи иногда допускается такая странная, что предложеніе превращается въ кучу словъ, въ которой не безъ труда читатель отыскиваетъ мысль довольно простую, напр: „ясно, что причиною этого факта было засвидѣльствованное предисловіемъ къ Прохирону сохраненіе за собою Эклогою во время его изданія практическаго значенія“ (стр. 113). Вообще должно признать, что въ процессѣ писанія своего сочиненія авторъ весьма не рѣдко забывалъ классическое наставленіе писателю „stylum veritas“! Конечно, въ свое оправданіе авторъ можетъ замѣтить, что если бы онъ всюду слѣдовалъ этому мудрому наставленію, то не успѣлъ бы написать такого обширнаго сочиненія въ теченіи даннаго ему срока: съ этимъ согласиться можно.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія и нахожу возможнымъ по надлежащей обработкѣ представить это же сочиненіе и для соисканія слѣдующей ученой степени“.

4) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Богданова Александра*: „Стоглавъ въ отношеніи къ расколу“:

„Знаменитый памятникъ церковно - законодательной дѣятельности XVI вѣка — Стоглавъ представляетъ, какъ извѣстно, не малый интересъ и для изслѣдователей старообрядческаго раскола. Значеніе его въ этомъ отношеніи обуславливается содержащимися въ немъ опредѣленіями по обрядовымъ вопросамъ, ставшимъ впоследствии предметомъ разногласія между православною русскою церковью и отдѣлившимися отъ нея послѣдователями мѣстной обрядовой „старинны“. Для послѣднихъ Стоглавъ съ своими опредѣленіями и клятвами представлялся крѣпкимъ оплотомъ ихъ

убѣжденій и потому усердно выдвигался, какъ и доселѣ выдвигается, на первый планъ при устныхъ и письменныхъ обсужденіяхъ спорныхъ вопросовъ между ними и защитниками православія. Послѣдніе въ свою очередь положили не мало усилій, чтобы ослабить значеніе названной опоры раскольническихъ мнѣній, при чемъ, въ избыткѣ полемическаго усердія, не ограничиваясь разъясненіемъ неосновательности частичныхъ опредѣленій о предметахъ ближайшаго обсуждения, пытались отвергнуть подлинность и всей книги Стоглавъ, какъ церковно-законодательнаго памятника русской церкви. Не смотря на то, что подобный взглядъ встрѣтилъ серьезный и основательный отпоръ со стороны ученыхъ изслѣдователей, онъ еще и доселѣ продолжаетъ держаться въ полемической литературѣ противъ раскола, все еще не рѣшающейся стать вполне на единственно твердую и надежную почву объективно-научнаго изслѣдованія.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія рѣшился подвергнуть полному и всестороннему пересмотру всѣ вопросы относительно Стоглава, такъ или иначе соприкасающіеся съ областью расколовѣдѣнія, оставаясь при этомъ на почвѣ строгой научной объективности. Съ замѣчательною добросовѣстностью и рѣдкимъ усердіемъ онъ всесторонне изучилъ какъ самый первоисточникъ въ тѣхъ его частяхъ, которыя имѣются въ виду темою сочиненія, такъ и по возможности всю существующую историко-полемическую литературу по затронутымъ имъ вопросамъ, привлекъ къ изслѣдованію значительное количество новаго рукописнаго матеріала, имъ самимъ отысканнаго, произвелъ тщательныя сопоставленія старинныхъ памятниковъ и ихъ различныхъ редакцій, внимательно провѣрилъ существующія въ литературѣ свѣдѣнія и сужденія, не мало затемненныя ложно понятыми интересами полемики,—и составилъ объемистый томъ (стр. XVI+871+XX), представляющій превосходное изслѣдованіе какъ по внутренней содержательности и основательности, такъ и по стройности расположенія своихъ частей и внѣшней литературной обработкѣ. Не передавая въ подробностяхъ его содержанія (оно указано въ оглавленіи, помѣщенномъ въ началѣ и занимающемъ цѣлыхъ 16 страницъ), не можемъ не отмѣтить, въ дополненіе къ вышеуказаннымъ достоин-

ствамъ сочиненія, полемической важности какъ частныхъ изысканій (напр. относительно основаній, приведенныхъ въ Стоглавѣ для подкрѣпленія изложеннаго въ немъ опредѣленія о двуперстїи), такъ въ особенности — его общихъ выводовъ, изложенныхъ въ заключительной главѣ („о томъ, какъ должны относиться раскольники къ Стоглавому собору“). Есть въ сочиненіи г. Богданова и нѣкоторые недостатки, неизбежные при всякой обширной и срочной работѣ: замѣчается излишняя подробность изложенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ, пользуясь трудами прежнихъ изслѣдователей, легко можно было ограничиться болѣе общими указаніями на конечные выводы, не воспроизводя ихъ аргументаціи; есть положенія и взгляды ошибочные или, по крайней мѣрѣ, не достаточно твердо обоснованные (напр. на стр. 218—219; на стр. 238, ср. 254 и 867; на стр. 465, 646 и др.), принадлежащіе, впрочемъ, не самому автору, а заимствованные имъ изъ существующей литературы и въ ней довольно прочно укоренившіеся; встрѣчаются неудачныя выраженія (стр. 33, 194, 253, 578 и др.) и орфографическіе недосмотры (напр. слово „Греція“ почему то постоянно пишется съ маленькой буквы). Но все это—такія мелочи, которыя не могутъ серьезно вліять на оцѣнку разсматриваемаго труда. Послѣдній я считаю возможнымъ признать не только весьма хорошимъ въ качествѣ кандидатской диссертациі, но и заслуживающимъ особаго поощренія со стороны академическаго Совѣта“.

5) Экстраординарнаго профессора Героева Татарскаго о сочиненіи студента *Виноградова Анатоля*: „Анализъ произведенія Шатобріана „Духъ христіанства“ (*Génie du christianisme*) и значеніе его для современнаго французскаго общества“:

„Сочиненіе студента Анатоля Виноградова имѣетъ своимъ предметомъ „анализъ сочиненія Шатобріана „Духъ христіанства (*Génie du christianisme*) и значеніе его для современнаго французскаго общества“. Давая своему предмету историческую постановку, авторъ раздѣляетъ все свое сочиненіе на три части, имѣя въ виду по возможности полное и обстоятельное разрѣшеніе поставленной задачи.

Въ первой части своего сочиненія онъ знакомитъ читателя съ общимъ складомъ и господствующими воззрѣніями той эпохи, въ которую явилось знаменитое апологетическое

произведеіе Шатобріана. Эпоха эта извѣстна въ исторіи какъ періодъ реакціи, т. е. борьбы съ идеями и формами жизни, развившимися во Франціи въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, именно — съ рационализмомъ и революціей. Обрисовывая здѣсь картину тлетворнаго вліянія на общество идей французскихъ матеріалистовъ и вольнодумцевъ времени революціи, авторъ сопоставляетъ съ ними воззрѣнія различныхъ писателей школы реакціи, во главѣ которой стоялъ Шатобріанъ, — каковы: Жозефъ де Местръ, Бональдъ, Ламенэ и Ботэнь. — Таковую постановку дѣла нельзя не признать весьма удачною; потому что она даетъ возможность не только оцѣнить Шатобріана, какъ представителя цѣлаго литературнаго направленія, но и соразмѣрить впоследствии его заслуги и нѣкоторыя характерныя особенности, какъ апологета христіанства.

Объяснивъ, такимъ образомъ, историческія основанія и обстановку, въ которой появилось на свѣтъ знаменитое произведеіе Шатобріана, авторъ во второй главѣ своего сочиненія дѣлаетъ подробнѣйшій его анализъ. Глава эта отличается особенною обширностію и распадается на четыре отдѣленія соотвѣтственно четыремъ томамъ, на которые раздѣляется сочиненіе Шатобріана. Въ первомъ отдѣленіи онъ излагаетъ воззрѣнія Шатобріана на догматы и нравственное ученіе христіанства. Во второмъ и третьемъ характеризуетъ его взгляды на превосходство христіанства предъ язычествомъ, какъ религіи болѣе благопріятствующей развитію поэзіи, литературы и изящныхъ искусствъ. Наконецъ, въ четвертомъ отдѣленіи онъ выставляетъ разсужденія Шатобріана о христіанскомъ богослуженіи и культѣ и о тѣхъ важныхъ просвѣтительныхъ заслугахъ, какія христіанство имѣетъ въ культурной исторіи человѣчества. Изложеніе воззрѣній Шатобріана въ этой главѣ, сдѣланное авторомъ по первоисточнику, отличается сколько характеристичностію ихъ представленія, столько же и основательностію ихъ общей оцѣнки. Авторъ совершенно справедливо проводитъ здѣсь мысль, что Шатобріанъ имѣлъ въ виду не столько критически и научно доказать превосходство христіанской религіи, сколько картинно изобразить ея несоизмѣримыя достоинства и сладость.

Наконецъ, въ третьей части своего сочиненія авторъ, на

основаніи сдѣланнаго имъ анализа и характеристики произведенія Шатобріана, изображаетъ важное значеніе его въ духовномъ настроеніи французскаго общества того времени. Нарисовавъ безотрадную картину грубаго невѣрія и нравственной разнузданности временъ революціи, онъ на основаніи историческихъ данныхъ показываетъ, что лучшіе люди изъ разныхъ слоевъ общества сознательно стремились тогда найти душевное успокоеніе въ лонѣхъ христіанской церкви. Произведеніе Шатобріана, направленное къ защитѣ этой церкви, явилось здѣсь въ самый важный моментъ и имѣло огромное дѣйствіе на современниковъ. Его смѣлый и благородный голосъ, дѣйствовавшій преимущественно на воображеніе и чувство, произвелъ рѣшительный поворотъ въ общемъ настроеніи эпохи и заставилъ лучшіе умы того времени возстать на защиту христіанской религіи. Все это авторъ раскрываетъ живо и убѣдительно.

Сочиненіе г. Виноградова очень обширно, составлено на основаніи глубокаго изученія замѣчательнаго литературнаго памятника подъ руководствомъ лучшихъ пособій и какъ обработанное тщательно отъ начала и до конца, можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

6) Экстраординарнаго профессора Василія Мышцына о сочиненіи студента *Виноградова Михаила*: „Книга Судей. Опытъ исагогико-критическаго изслѣдованія“:

„Ученые рационалистическаго направленія (Будде, Новакъ, Муръ и др.) признають многократную передѣлку книги Судей разными редакторами, съ тенденціозными цѣлями измѣнявшими, опускавшими и дополнявшими текстъ первоначальныхъ источниковъ. Разобрать взгляды этихъ ученыхъ было задачею сочиненія г. Виноградова. Она выполнена авторомъ удачно, особенно въ отношеніи къ первымъ девяти главамъ кн. Судей. Послѣдующія главы проанализированы авторомъ съ меньшею подробностью и съ меньшимъ знаніемъ литературы предмета. Полемика автора съ рационалистами ведется научнымъ методомъ. Онъ не придирается къ мелочамъ, не оправдываетъ своего несогласія съ рационалистическими мнѣніями одною гипотетичностью ихъ, чѣмъ такъ часто злоупотребляютъ ортодоксалы — полемисты; но анализируя текстъ и исторически и филологически, старается

представить дѣло такъ, что ортодоксальное мнѣніе о происхожденіи книги Судей оказывается наиболѣе естественнымъ и правдоподобнымъ. Съ этою цѣлью онъ изслѣдуетъ отношеніе книги Судей къ книгѣ I. Навина, еврейскаго текста къ греческому, однихъ еврейскихъ синонимовъ и оборотовъ къ другимъ. Чтобы показать, что недовѣріе къ рационалистическимъ мнѣніямъ вызывается не церковными лишь преданіями, а чисто научными соображеніями, авторъ не упускаетъ случая указать несогласія въ мнѣніяхъ самихъ рационалистовъ, для чего онъ имѣлъ довольно богатый матеріалъ.

Изложено сочиненіе хотя сжатымъ, но правильнымъ и яснымъ языкомъ. За свое сочиненіе авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

7) Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Высоцкаго Николая*: „Указанія въ сочиненіяхъ святыхъ отцевъ и церковныхъ писателей на то, что и въ древнѣйшія времена въ Церкви существовало семь таинствъ“.

„Обширное изслѣдованіе г. Высоцкаго (LXX+640 стр.) состоитъ изъ введенія, семи отдѣловъ или главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи онъ подвергаетъ разбору взглядъ протестантскаго богослова Гана, будто ученіе о седемичномъ числѣ таинствъ явилось впервые на Западѣ въ XII вѣкѣ, въ богословіи Петра Ломбарда. Во введеніи же онъ устанавливаетъ предѣлы своего изслѣдованія, полагая свою задачу въ разсмотрѣніи отеческихъ свидѣтельствъ о таинствахъ до половины V-го вѣка. Затѣмъ въ самомъ изслѣдованіи онъ и приводитъ эти свидѣтельства, съ надлежащими поясненіями, о каждомъ изъ семи таинствъ въ отдѣльности, почему его изслѣдованіе распадается само собою на семь главъ. Въ первыхъ четырехъ главахъ онъ разсматриваетъ ученіе отцевъ и церковныхъ писателей о таинствахъ, обязательныхъ для каждаго христіанина: о крещеніи, о миропомазаніи, о причащеніи и о покаяніи; а въ пятой, шестой и седьмой главахъ онъ изслѣдуетъ ученіе отцевъ и церковныхъ писателей о елеосвященіи, о брачѣ и о священствѣ. Общій выводъ изъ его изслѣдованія церковной литературы взятаго имъ періода о таинствахъ тотъ, что уже и въ древней церкви существовали всѣ семь таинствъ; но формулы,

позднѣе явившейся, что церковныхъ таинствъ семь, въ то время еще не было, равно какъ не встрѣчается и полнаго перечня ихъ у тогдашнихъ писателей. Въ заключеніи г. Высоцкій пытается выяснитъ и причины отсутствія въ древне-церковной письменности какъ формулы седемичнаго числа таинствъ, такъ и полнаго перечня ихъ и появленія формулы и полнаго исчисленія семи таинствъ на Западѣ въ XII в., а на Востокѣ въ XIII в.

Въ ислѣдованіи и оцѣнкѣ относящейся къ предмету сочиненія церковной литературы первыхъ трехъ вѣковъ, а равно въ постановкѣ вопросовъ и въ развитіи общихъ взглядовъ г. Высоцкій находился въ зависимости отъ докторской диссертациі „О семи церковныхъ таинствахъ“ профессора Катанскаго; а при раскрытіи ученія о таинствахъ отцевъ и писателей церковныхъ IV-го и V-го вѣковъ онъ пользовался важнѣйшими иностранными сочиненіями о таинствахъ (Шанць, Освальдъ, Ганъ и др.). Хорошія черты сочиненія г. Высоцкаго—обстоятельность, полнота, обработанность и законченность. Но равномѣрность частей нѣсколько не соблюдена въ томъ, что такъ какъ всѣми признано существованіе таинствъ крещенія и причащенія въ Церкви съ самаго начала христіанства, то о нихъ можно было сказать короче, чтобы выиграть побольше времени и удѣлить болѣе вниманія ислѣдованію прочихъ таинствъ. Степени кандидата авторъ сочиненія вполне достоинъ“.

8) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Габараева Константина*: „Сношенія грузинской церкви съ церквами греческими въ эпоху вселенскихъ соборовъ и значеніе ихъ въ церковной исторіи Грузіи“:

„Послѣ небольшого введенія (1—11 стр.), содержащаго въ себѣ характеристику современнаго состоянія изученія грузинской исторіи, авторъ излагаетъ планъ своего сочиненія (11—20), который затѣмъ и выполняетъ въ слѣдующихъ семи главахъ. Первая глава (21—42) занимается обзорнѣемъ источниковъ по древней исторіи Грузіи и пособій; такъ какъ главнымъ источникомъ является грузинская лѣтопись, извѣстная подъ именемъ „Картлисъ-Цховреба“, то въ первой главѣ рѣшаются главнымъ образомъ вопросы о происхожденіи, составѣ и научномъ значеніи этой лѣтописи. Во второй (42—74) и третьей (74—92) излагается исторія распро-

страненія и утвержденія христіанства въ Грузіи, при чемъ авторъ старательно отмѣчаетъ всѣ факты, въ какихъ выразилась связь новой грузинской церкви съ церквами греческими, какъ-то принятіе христіанства отъ грековъ, греческій составъ первоначальной грузинской іерархіи, переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ съ сирскаго и греческаго языковъ, участіе грузинскихъ епископовъ на первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ и пр. Въ IV и V главахъ описываются попытки еретиковъ-монофизитовъ навязать свои воззрѣнія грузинской церкви, оставшіеся неудачными, благодаря стойкости ея іерарховъ и связямъ съ греческой церковью; здѣсь же излагается и благодѣтельная для грузинъ дѣятельность XIII сирскихъ отцевъ, явившихся въ Грузію для распространенія церковно-религіознаго просвѣщенія и укрѣпленія грузинъ въ вѣрѣ. VI глава (143—178) разсматриваетъ вопросы, связанные съ исторіей учрежденія автокефаліи грузинской церкви, а въ VII подводятся итоги всему сказанному о сношеніяхъ Грузіи съ греческой церковью и опредѣляется ихъ значеніе въ исторіи грузинскаго народа.

При составленіи своего сочиненія автору приходилось бороться съ особаго рода затрудненіемъ — съ крайнею скудостью матеріала, относящагося къ его вопросу. У греческихъ лѣтописцевъ и историковъ встрѣчаются лишь рѣдкія и отрывочныя замѣтки о грузинской церкви; что же касается собственно до грузинскихъ источниковъ, то хотя книгохранилища Грузіи обладаютъ значительнымъ запасомъ древнихъ памятниковъ, но этотъ запасъ лежитъ пока въ видѣ необработанномъ. „По вопросу, интересующему насъ,—говоритъ авторъ,—въ отечественной церковной литературѣ мало матеріала. Никто еще не брался за специальное изученіе данной эпохи, и если вообще грузинская церковная исторія мало разработана, то въ особенности изучаемая эпоха (стр. 9—10)“.

Скудость матеріала на сочиненіи г. Габараева отразилась тѣмъ, что вызвала стремленіе искусственно пополнить его внесеніемъ отдѣловъ, не относящихся къ темѣ или слабо съ ней связанныхъ. Таковы напр. отдѣлы о монофизитахъ въ Арменіи (93—106), объ окончательномъ учрежденіи автокефаліи (165—178), и просвѣтительной дѣятельности монастырей. Но въ виду указаннаго положенія автора строго винить

его за эти излишки нельзя, такъ какъ и они нѣкоторыми своими сторонами бросаютъ свѣтъ на изучаемый вопросъ.

Авторъ воспользовался тѣмъ, что могли дать для него грузинскія лѣтописи и существующія въ русской литературѣ изслѣдовавія по древней исторіи Грузіи, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ сочиненія замѣчается болѣе близкая зависимость отъ пособій, чѣмъ это слѣдовало. Извлеченный изъ источниковъ и пособій матеріалъ приведенъ въ порядокъ и изложенъ правильною рѣчью.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

9) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Голубева Виктора*: „Библейское ученіе о твореніи изъ ничего“:

„По православному ученію, имѣющему въ своей основѣ Библейское представленіе о Богѣ и мірѣ, міръ не есть бытіе самобытное, т. е. само опредѣляющее себя къ существованію и въ себѣ самомъ заключающее достаточно условій для продолженія этого существованія. Міръ сотворенъ Богомъ изъ ничего. Терминъ изъ ничего показываетъ, что Причина, произведшая міръ, для этого произведенія не перешла сама въ міръ, не стала сама своимъ собственнымъ слѣдствіемъ. Создавъ міръ, сохраняя его и промышляя о немъ, Богъ, мыслимъ мы, остается неизмѣннымъ. Это ученіе съ необходимостію вытекаетъ изъ Библии, но въ Библии нѣтъ такого мѣста, такого ряда стиховъ, гдѣ бы оно было выражено прямо и полно. Изслѣдованіе библейскаго ученія о твореніи поэтому можетъ имѣть двѣ задачи: 1) выясненіе библейскаго ученія путемъ анализа различныхъ мѣстъ текста, 2) выясненіе библейскаго ученія путемъ анализа данныхъ о дѣйствительности, т. е. раскрытіе научнымъ путемъ мысли, что бытіе міра предполагаетъ собою бытіе создавшаго его Бога. Г. Голубеву была предложена вторая задача. Для выполненія этой задачи требуется знаніе основъ физико-математическихъ наукъ. Этому условію работа г. Голубева удовлетворяетъ вполнѣ. Г. Голубевъ овладѣлъ началами математики, физики и химіи настолько, что могъ самъ разбираться въ положеніяхъ и доказательствахъ материалистическаго міросозерцанія, онъ ясно понималъ и смыслъ материалистическихъ положеній и значеніе ихъ доводовъ.

Съ пониманіемъ дѣла г. Голубевъ соединилъ въ своей работѣ добросовѣстность. Онъ старался всегда правильно понять мысль разбираемыхъ и опровергаемыхъ сочиненій—явленіе очень рѣдкое не въ однихъ студенческихъ работахъ—и онъ старался не переоцѣнивать силы своихъ возраженій и доводовъ. Дальнѣйшими достоинствами работы г. Голубева являются ясность и простота изложенія. Послѣдняя, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ — правда, немногихъ — мѣстахъ доходитъ до тривіальности.

Тезисъ работы г. Голубева тотъ, что анализъ физико-химическаго ученія о матеріи и ученія о законахъ природы приводитъ къ отрицанію самобытности и вѣчности міра. Неоснованность матеріализма и неосновательность его притязаній на союзъ съ естествознаніемъ раскрыты у него съ достаточною основательностію. Но противъ ученія о твореніи *изъ ничего* идутъ главнымъ образомъ не во имя естественно-научныхъ фактовъ, а во имя того ложнаго положенія, что твореніе *изъ ничего* не мыслимо логически, не можетъ быть допущено и потому не можетъ быть принято. Много сдѣлавъ для выясненія того, что факты направляютъ къ признанію творенія, г. Голубевъ не дошелъ въ своей работѣ до обсужденія логической и метафизической стороны вопроса.

Оцѣнивая то, что есть въ сочиненіи, должно указать слѣдующіе недостатки.

Слабо и содержитъ не мало невѣрностей предисловіе сочиненія, трактующее о различныхъ ученіяхъ о происхожденіи міра (1. 2. 4. 7. 9. 13. 14. 15. 17. 18. 26; недостатки между прочимъ объясняются тѣмъ, что свѣдѣнія о религіозныхъ и философскихъ космогоніяхъ авторъ въ значительной степени черпаетъ у совершенно некомпетентнаго лица—*m-me Royer*).

Имѣются недостатки въ планѣ, въ оглавленіи; встрѣчаются неточности, ошибки, неправильныя утвержденія.

Заглавіе главъ у автора часто не даетъ представленія объ ихъ содержаніи. Неоднократно въ сочиненіи опровергаются матеріалистическія положенія истинами, которыя доказываются значительно позже того, какъ авторъ воспользовался ими для своихъ полемическихъ цѣлей (наприм. 116 стр.). Недостаткомъ плана и метода сочиненія является и раздѣленіе авторомъ въ изслѣдованіи міра и матеріала для

міра, т. е. иначе бытія и матеріала для бытія (57 и 58 стр.).

195—196 стр. Авторъ представляетъ гранитъ, какъ химически однородное тѣло, на самомъ дѣлѣ гранитъ—механическая смѣсь обыкновенно трехъ сложныхъ тѣлъ (шпата, кварца и слюды).

275 стр. Напрасно авторъ приписываетъ материалистической философіи софизмы. Софизмъ — сознательная ложь, а обвиненія въ сознательной лжи должны быть дѣлаемы съ осторожностію.

301. Определеніе предложенное авторомъ для совершеннѣйшаго механизма не можетъ быть принято. Онъ полагаетъ, что въ совершеннѣйшей машинѣ ни одна часть не можетъ быть удалена безъ ущерба для дѣлаго, но обыкновенно лучшія машины приспособлены къ дѣйствию при различныхъ условіяхъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ нѣкоторыя части ихъ оказываются излишними (обыкновенно даже центробѣжный регуляторъ).

261 стр. Авторъ утверждаетъ, что отъ всѣхъ извѣстныхъ звѣздъ свѣтъ долженъ былъ дойти до земли въ теченіе 15 тысячъ лѣтъ; но на самомъ дѣлѣ извѣстно разстояніе отъ земли только очень немногихъ звѣздъ, предположенія о разстояніи остальныхъ звѣздъ совершенно произвольны.

337. Св. Діонисія Александрійскаго, жившаго въ III в., авторъ переводитъ въ IV в.

364—365. Сообщаются невѣрныя свѣдѣнія о методологическихъ принципахъ изысканій Кювье и о результатахъ его изысканій.

576—577. Изъ того положенія, что при столкновеніи тѣлъ ихъ живыя силы уменьшаются, авторъ дѣлаетъ невѣрный выводъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и количество движенія (чѣмъ на большее количество частей дѣлимъ мы какое либо число, тѣмъ меньше будетъ сумма квадратовъ этихъ частей, но сумма частей останется неизмѣнною. Живая сила—функция квадратовъ скоростей, она при разложеніи скоростей на части уменьшается, но сумма скоростей остается неизмѣнною).

Но подобные недостатки съ избыткомъ покрываются положительными сторонами сочиненія. При оцѣнкѣ его должно имѣть въ виду, что г. Голубевъ самостоятельно приоб-

рѣль для написанія своего труда естественнаучныя свѣдѣнія, которыхъ не даетъ ни средняя, ни высшая духовная школа и которыя безусловно необходимы для апологета. Руководясь приобрѣтенными свѣдѣніями, онъ можетъ выбирать для перевода на русскій языкъ хорошія апологетическія книги и можетъ самостоятельно работать въ области апологетики.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

10) Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Гординскаго Теодора*: „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ на основаніи устава, изданнаго Пападопуло-Керамевсомъ“:

„Кратко сказавъ о важномъ научномъ значеніи подлежащаго изученію устава и своей задачѣ по отношенію къ нему, въ обширномъ введеніи авторъ опредѣляетъ „время происхожденія изданнаго Пападопуло-Керамевсомъ Типикона Иерусалимской церкви и его практическаго употребленія въ ней“. Не соглашаясь съ издателемъ, по словамъ котораго послѣднее совпадало съ временемъ написанія устава (т. е. 1122 г.), г. Гординскій на основаніи главнымъ образомъ внутреннихъ признаковъ, путемъ сопоставленія содержанія памятника съ тѣмъ, что извѣстно о состояніи Иерусалимской церкви и православнаго богослуженія ея въ періодъ господства въ Иерусалимѣ латинянъ, приходитъ, наоборотъ, къ заключенію, что разсматриваемый уставъ, началомъ образованія и богослужебнаго употребленія котораго должно считать еще IV вѣкъ, къ XII столѣтію уже утратилъ свое практическое значеніе. Сочиненіе автора распадается на двѣ части: первая трактуетъ „внѣшнюю обстановку Иерусалимскаго богослуженія“, вторая—самое „богослуженіе древней Иерусалимской церкви“; та и другая часть раздѣлены на двѣ главы. Мѣста, на которыхъ въ эпоху разсматриваемаго памятника совершалось общественное богослуженіе, обстоятельное именно историко-топографическое описаніе святынь Иерусалимскихъ: Голговы, Елеонской горы, Сіона и Геосиманіи съ воздвигнутыми на нихъ храмами составляютъ содержаніе первой главы. Предметомъ второй служатъ „богослужебныя лица и средства“: составъ Иерусалимскаго клира, положеніе въ немъ патріарха и чины его двора, степень участія высшаго и низшаго духовенства съ лицами монашествующими въ богослуженіи, обстановка послѣдняго. Въ

третьей главѣ, посвященной „пѣсенному послѣдованію“, авторъ знакомитъ съ общимъ строемъ и временемъ появленія въ Іерусалимской церкви службъ этого типа, разбираетъ содержаніе каждой изъ нихъ (паннихиды, девятаго часа, вечерни и утрени) и выдѣляетъ основныя ихъ черты изъ подъ „осложнившихъ ихъ элементовъ“. Въ послѣдней главѣ рассматриваются „чины частнаго богослуженія Іерусалимской церкви“: мѣроосвященіе, омовеніе ногъ, низведеніе св. огня, благословеніе тѣста, поклоненіе кресту и опредѣляются особенности ихъ совершенія по изданному Пападопуло-Керамевсомъ Типикону. Въ приложеніи къ сочиненію данъ русскій переводъ большей части содержащихся въ послѣднемъ пѣснопѣній, неизвѣстныхъ по нынѣшнимъ грѣодямъ.—Оканчивая свои рѣчи о пѣсенномъ послѣдованіи, Гординскій между прочимъ пишетъ: „Опредѣленіе и выясненіе всѣхъ особенностей обычнаго суточного богослуженія по нашему уставу должно было-бы составить самую важную и главную часть нашего труда и дало бы возможность опредѣлить отношеніе нашего устава къ уставамъ другихъ церквей, но трудность этой задачи при недостаткѣ времени, какимъ располагали мы, помѣшала намъ сдѣлать это“ (стр. 364). Трудности выполненія указанной задачи, какъ и всего того, надъ чѣмъ приходится самому вновь работать, никто не станетъ отрицать, но можно и должно было наблюсти экономію во времени. Говоря по Типику объ участіи въ богослуженіи Іерусалимскихъ монаховъ, авторъ не касается судьбы ихъ обителѣй на томъ основаніи, что она „подробно рассмотрѣна“ г. Сладкопѣвцевымъ (стр. 247). Отчего бы автору съ этой же совершенно правильной точки зрѣнія не взглянуть на дѣло и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ? При существованіи обстоятельныхъ работъ профф. Дмитріевскаго, Васильевскаго, іером. Павла и др. пространныя рѣчи автора о времени практическаго употребленія устава, упоминаемыхъ имъ Іерусалимскихъ святыняхъ и служащихъ лицахъ, не вызывались ни положеніемъ названныхъ матерій въ ученой литературѣ, ни существомъ самаго дѣла. Уставъ отмѣчаетъ тѣ или другія мѣста богослуженія и называетъ участниковъ его. Автору слѣдовало настолько заняться топографіею первыхъ и служебными обязанностями послѣднихъ, насколько это требовалось цѣлями болѣе нагляднаго и отчетливаго из-

ложенія самого богослуженія. При такой постановкѣ онъ избѣгъ бы упрека въ излишнемъ повтореніи доводовъ и результатовъ своихъ предшественниковъ по работѣ,—болѣе, чѣмъ на половину, сократилъ бы свое обширное введеніе, всю первую часть и конецъ сочиненія, а можетъ быть успѣлъ бы выполнить въ существенномъ предложенную ему задачу. Въ теперешнемъ видѣ трудъ его далеко не оконченъ, да и не все написанное можетъ быть принято съ одинаковымъ одобреніемъ. Авторъ довольно много говоритъ, напримѣръ, о важномъ административномъ значеніи Іерусалимскаго патріарха, его отношеніяхъ къ подчиненному духовенству; было бы лучше и ближе къ темѣ сказать на основаніи устава о положеніи и преимуществахъ его при совершеніи богослуженія. Встрѣчаются въ сочиненіи сужденія невѣрныя, мысли и догадки, плохо обоснованныя (стрр. 19, 188, 211, 220, 205, 232, 237, 305—309, 276—277, 438—439 и др.); много мѣстъ, не подтвержденныхъ цитатами (16, 19, 54, 193, 201, 282, 436 и др.) или подкрѣпленныхъ ссылками на газетныя сообщенія (стр. 18, 196, 227). Но при указанныхъ недостаткахъ есть и довольно значительныя достоинства въ сочиненіи. Гординскій близко познакомился съ текстомъ и содержаніемъ устава, основательно изучилъ относящуюся къ его темѣ литературу, читалъ въ подлинникѣ нѣкоторыхъ отечественныхъ и иностранныхъ паломниковъ во св. землю. На основаніи послѣднихъ онъ высказываетъ нѣсколько вѣскихъ возраженій противъ отождествленія построенной въ Іерусалимѣ имп. Юстиніаномъ св. Софіи съ нынѣшнею мечетью Ель-Акса, мирносицъ храма Воскресенія съ жившими близъ Геосиманскаго храма Богоматери затворницами. Историко-топографическое описаніе Іерусалимскихъ святынь и храмовъ и трактатъ о пѣсенномъ послѣдованіи читаются не безъ интереса, чему много способствуетъ ясный, точный, за исключеніемъ нѣсколько не литературныхъ выраженій (стрр. 22. 66. 86. 135. 155. 370. 446. 448) и растянуто изложенныхъ мѣстъ, выработанный языкъ. Полуславянскій-полурусскій переводъ пѣснопѣній, приложенный къ сочиненію, нельзя сказать, чтобы обладалъ качествами хорошаго перевода, но, какъ трудъ и трудъ не маленькій, заслуживаетъ похвалы. Сочиненіе очень хорошее и степени кандидата вполне заслуживаетъ“.

11) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Горскаго Дмитрія*: „Афраатъ Персидскій и его бесѣды“:

„Не смотря на недавнее появленіе латинскаго и нѣмецкаго переводовъ подлинной и полной сирской редакціи бесѣдъ Афраата Персидскаго, приписывавшихся прежде Іакову Низибійскому, патрологія до сихъ поръ не имѣетъ монографическаго изслѣдованія объ этомъ важномъ во многихъ отношеніяхъ церковномъ писателѣ. Существуютъ только отдѣльные трактаты объ авторѣ, мѣстѣ его жительства, его положеніи въ церкви, а также нѣсколько брошюръ по поводу нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ бесѣдъ Афраата. Единственная монографія о немъ совершенно неудовлетворительна вслѣдствіе полного отсутствія въ ней научнаго анализа и вслѣдствіе поверхностнаго характера изслѣдованія. Задача г. Горскаго состояла во первыхъ въ томъ, чтобы собрать, провѣрить и объединить по возможности все, уже извѣстное объ Афраатѣ въ литературѣ, а во вторыхъ, насколько возможно, продолжить изслѣдованіе о немъ самостоятельно.“

Первая, библиографическая часть сочиненія, трактующая о различныхъ редакціяхъ бесѣдъ Афраата, о подлинности редакціи сирской, о писателѣ, времени и мѣстѣ составленія бесѣдъ, не могла быть разработана авторомъ самостоятельно по незнанію восточныхъ языковъ и невозможности лично ознакомиться какъ съ сохранившимися рукописями, такъ и съ свидѣтельствомъ восточныхъ писателей. Для этого отдѣла авторъ долженъ былъ воспользоваться существующими изслѣдованіями. Самостоятельность автора могла выразиться здѣсь только въ провѣркѣ и изложеніи добытаго другими научнаго матеріала. Авторъ выполнилъ эту задачу удовлетворительно. Онъ разыскалъ всю литературу объ Афраатѣ, собралъ даже мелкія библиографическія замѣтки о немъ и воспользовался всѣмъ этимъ для своего сочиненія. Изъ всего содержанія, найденнаго имъ въ собранной литературѣ, онъ выдѣлилъ все существенное и далъ отвѣтъ на всѣ важнѣйшіе вопросы. Но главнымъ недостаткомъ этого отдѣла, не чуждымъ впрочемъ и другимъ отдѣламъ, является его чисто литературная сторона. Такъ, можно было бы пожелать большей логичности и раздѣльности плана. Далѣе, самое

изложение показывает, что авторъ не легко справлялся съ латинскимъ и нѣмецкимъ переводомъ. Встрѣчаются темныя фразы, обусловленныя недостаточно яснымъ пониманіемъ подлинника. Конструкція рѣчи, вслѣдствіе буквалистическаго перевода, получается иногда совсѣмъ не русская. Самая внѣшняя форма свидѣтельствуетъ о неполнѣ тщательной литературной обработкѣ: переходя къ новому предмету, авторъ рѣдко начинаетъ свою рѣчь съ новой строки.

Второй отдѣлъ сочиненія г. Горскаго состоитъ въ литературной характеристикѣ сочиненій Афраата. Эта часть сочиненія отличается самостоятельностью, всесторонностью и полнотою. Въ литературѣ, которой располагалъ авторъ, нѣтъ хорошаго анализа и изложенія ученія Афраата, поэтому онъ долженъ былъ обнаружить здѣсь свою самостоятельность. И дѣйствительно, авторъ постарался извлечь изъ бесѣдъ Афраата весь матеріалъ, интересный съ какой бы то ни было стороны для церковнаго историка. Онъ характеризуетъ Афраата прежде всего какъ апологета христіанства противъ іудеевъ, которые были такъ многочисленны и вліятельны въ Сиріи Персидской. Далѣе, онъ изслѣдуетъ экзегетическіе приемы Афраата и опредѣляетъ его мѣсто въ исторіи христіанской экзегетики. Подробно также излагаетъ авторъ догматическія воззрѣнія Афраата и, наконецъ, характеризуетъ его, какъ учителя нравственности. Такимъ образомъ г. Горскій характеризуетъ литературную дѣятельность Афраата со всѣхъ сторонъ.

По каждому изъ перечисленныхъ отдѣловъ авторъ исчерпываетъ матеріалъ, данный въ бесѣдахъ Афраата, съ достаточною полнотою. Только изложение ученія Афраата по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ догматики не отличается тонкостью анализа. Такимъ недостаткомъ страдаетъ напр. весь отдѣлъ о таинствахъ.

Характеристика Афраата какъ экзегета, богослова, апологета и учителя нравственности получаетъ свое полное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если къ ней примѣняется сравнительный методъ. Изученіе сочиненій Афраата со стороны ихъ содержанія можетъ имѣть большое значеніе для исторіи христіанской литературы вообще. Патрологія занимается между прочимъ выясненіемъ вопроса, насколько было сильно и въ какихъ формахъ выражалось вліяніе на христіанскую

литературу общих культурных условий, в которых она развивалась. Большинство произведений патристической литературы возникло на почве греко-римской культуры. Изучая их в связи с этой последней, мы можем судить о характере влияния, которая патристическая литература испытывала со стороны классической философии, права, риторики, литературы, но мы не имеем возможности проверить своих выводов, не изучив таких образцов патристической литературы, которые возникли в это же время, но в других условиях, вне всякого влияния со стороны греко-римской культуры. Сочинения Афраата и показывают, в какие формы могла бы отлиться церковная литература, если бы она не пользовалась тем, что было лучшего в греко-римском мире. Персидская Сирия в силу различных политических условий испытывала на себе в IV в. минимальное влияние греко-римской образованности. Если и существовала здесь какая-нибудь образованность, то это образованность иудейская. Г. Горскому дѣлает честь, что значение сочинений Афраата в истории церковной литературы было им верно понято, и самый вопрос поставлен им ясно и определенно. Излагая учение Афраата, характеризуя его как апологета, экзегета, учителя веры и нравственности, он всегда старается провести параллель между сирийским писателем и церковными писателями Греции и западной церкви. Указывая далее пункты различия между ними, автор объясняет их из общих условий жизни сирийской церкви и из отношения Афраата к раввинскому богословию, сильно распространенному в Сирии. Автор имел под руками несколько хороших пособий, относящихся к этому отделу, и удачно воспользовался ими. Не ограничиваясь однако руководством этих пособий, он постарался продолжить исследование вопроса в том же направлении и с своей стороны. Желая сопоставить учение Афраата с другими церковными писателями, он познакомился с историей патристической литературы, с историей догматов и богословием раввинов. Но область, затронутая им в этом случае, настолько широка, что он не мог вполне ориентироваться в ней. Отсюда возникли некоторые недостатки сочинения. При болѣе широких познаниях из сочинений Афраата можно было бы извлечь гораздо больше